

от древнерусских и библейских текстов, ритмическим, стиховым («версийным») началом (см.: Орлицкий Ю. Проза и стих в творчестве Н. Клюева и других поэтов новокрестьянского направления // Вытегорский вестник. 1994. № 1).

2 февр. 1934 К. (в это время он проживает в Москве) подвергается аресту за антисоветскую агитацию. На допросах он не скрывает своего решительного неприятия «политики компартии и советской власти, направленной к социалистическому переустройству страны», которое он рассматривает «как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью». Октябрьская революция, высказывается он, «повергла страну в пучину страданий и бедствий и сделала ее самой несчастной в мире». «Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей...» (Огонек. 1989. № 43). Сосланный поначалу в пос. Колпашево (Западная Сибирь), К. вскоре переводится в Томск, где с весны 1937 теряется с ним связь, уступая место версиям и легендам о его кончине. И только в 1989 из ставших доступными материалов томского НКВД выясняется истинная картина его гибели: 5 июля 1937 его, уже завершающего срок ссылки, вторично арестовывают как активного, «близко стоящего к руководству» участника «монархо-кадетской» повстанческой организации Союз спасения России (никогда не существовавшей); приговоренный к высшей мере «социальной защиты», он был расстрелян в один из трех дней — 23–25 окт. 1937.

Последним из известных произведений К. является стих. **«Есть две страны: одна — Больница...»**. Посланное с последним письмом А. Яр-Кравченко (25 марта 1937), оно свидетельствует о том, что, несмотря на все страдания и бедствия, творческие силы не оставляли поэта.

Соч.: Соч.: в 2 т. Мюнхен, 1969; Стихотворения и поэмы. Л., 1977; Письма к А. Яр-Кравченко // Север. 1993. № 10; Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Словесное дерево: проза. СПб., 2003.

Лит.: Филиппов Б. Николай Клюев: Материалы к биографии // Клюев Н. Соч. Мюнхен, 1969. Т. 1; Грунтов А. Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1; Базанов В. Г. С родного берега: О поэзии Николая Клюева. Л., 1990; Кравченко Б. Через мою жизнь // Наше наследие. 1991. № 1; Киселева Л. Христианство русской деревни в поэзии Николая Клюева // Православие и культура. Киев, 1993. № 1; Михайлов А. История и судьба в зеркале сновидений (по

снам Николая Клюева) // Мера. 1994. № 2; Мекш Э. Образ Великой Матери: Религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева. Даугавпилс, 1995; Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995; Николай Клюев. Исследования и материалы. М., 1997; Маркова Е. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997; Михайлов А. Николай Клюев и мир его поэзии // Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Пономарева Т. Проза Николая Клюева 20-х годов. М., 1999; Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2000; Солнцева Н. Станный эрос. Интимные мотивы поэзии Николая Клюева. М., 2000; Азадовский К. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб., 2002; Михайлов А. О прозе Николая Клюева // Клюев Н. Словесное дерево. СПб., 2003; Михайлов А. В «Гранитных зрачках» Петербурга. Неизвестное о Николае Клюеве в городе на Неве // Рог Борей. СПб., 2003. № 18; Венок Николаю Клюеву. 1911–2003 / сост., предисл. и примеч. С. И. Субботина. М., 2004; Николай Клюев глазами современников / сост., прим. В. Гарнина. СПб., 2005.

А. И. Михайлов

КНОРРИНГ Ирина Николаевна [21.4(4.5). 1906, с. Елшанка Самарской губ.— 23.1. 1943, Париж] — поэтесса т. н. младшего поколения «первой волны» эмиграции, или «незамеченного» поколения.

Происходила из дворянской семьи, ранние годы провела в небольшом родовом имении, где и родилась, затем в Харькове, месте

И. Н. Кнорринг

службы отца, действительного статского советника, директора гимназии, члена кадетской партии, педагога-историка Н. Н. Кнорринга, в эмиграции деятеля культуры, члена правления Тургеневской библиотеки, автора ряда работ по русской истории. Учеба в гимназии была прервана в 1920, когда Ирина К. вместе с семьей покинула Харьков. С этого времени началась неустроенная беженская жизнь, кончилось последовательное систематическое образование: в течение нескольких месяцев К. побывала в гимназиях, школах Туапсе, Симферополя, Севастополя, пока семья в 1920 не очутилась в Тунисе, в Бизерте, в лагере Сфаят, где удалось вновь продолжить учебу, а затем сдать экзамены за весь школьный курс при Морском корпусе и получить «Свидетельство о зрелости» (случай едва ли не единственный в истории, как отмечают современники). Четыре с половиной года жизни в Бизерте К., помимо учебы, посвятила изучению совр. русской поэзии, техники стиха. В 1925 семья переехала во Францию, в Севр, а через 2 года — в Париж, где К. прожила до самой смерти. В Париже К. продолжила учебу в Франко-Русском ин-те, вошла в круг творческой поэтической молодежи, часто встречалась с русскими поэтами-парижанами. В 1928 вышла замуж за молодого русского поэта Ю. Б. Бек-Софиева (1899–1975), публиковавшего свои стихи под именем Ю. Софиев, одного из организаторов «Союза молодых поэтов и писателей», автора сб. стихов «Годы и камни» (Париж, 1937).

Писать стихи К. начала с 8 лет. Неизгладимое впечатление на эмоциональную девочку произвели страшные годы Гражданской войны, скитаний, бездомности семьи. Все это нашло отражение в ее последующем творчестве. Став поэтом, К. выступила певцом своих переживаний, своего восприятия мира, происходящих событий. Она писала лишь тогда, когда стихи являлись ее внутренней потребностью, когда именно в них она могла высказать свои чувства, отношение к окружающей действительности. Как свидетельствует ее отец, «стихи складывались в ее голове как-то целиком, она просто записывала их, сразу набело, обычно без всяких поправок» (предисл. к сб. «После всего». Париж, 1949). К. писала в 1924: «Я не умею говорить слова, / Звучащие одними лишь словами, / Я говорю мгновенными стихами, / Когда в огне пылает голова...»

Стихи К. — это своеобразный дневник значительных событий ее жизни, с удивительной точностью, подчас до мельчайших деталей воссоздающий все то, что ее волновало,

что было «собственным». И закономерно, что основными темами поэзии К. стали Россия, эмиграция, беженские скитания, интимные переживания. Стихи К. как бы рассказывают историю эмиграции, не предавшей Россию, думающей о Родине, живущей ею, о тех русских людях, которые в годы Второй мировой войны встали в ряды французского Сопротивления. Трагедия этих русских, покинувших Россию, была глубоко пережита самой К. В 1924 в Сфаят-Бизерта молодая поэтесса пишет: «Забывать нас стали там, в России, / После стольких безрассудных лет, / Даже письма вовсе не такие, / Даже теплоты в них больше нет...» В этом же году она говорит: «Я верю в Россию. Пройдут года, / Быть может, совсем немного, / И я, озираясь, вернусь туда / Далеккой, ночной дорогой». В 1925: «Вы помните — шесть лет тому назад / Мы отошли от берегов России». В 1933 в Париже К. создает цикл «**О России**» из 3 стих., в одном из которых с присущей ей искренностью говорит: «Россия! Печальное слово, / Потерянное навсегда / В скитаньях напрасно-суровых, / В пустых и ненужных годах. / Туда — никогда не поеду. / А жить без нее не могу...» В 1938: «Я уж не так молода, / Чтобы ехать в Россию». К. в 1924 создает яркую, необычайно выразительную картину беженского движения из России во время Гражданской войны в «**Балладе о двадцатом годе**», где рассказано об обозах, везущих тех, кто уходил от красных, о том, как покидали родной берег корабли, переполненные эмигрантами, о бессмысленности и гибельности совершавшегося: «Открытые зияли люки / У дрогнувшей ноги. / Зияли жутко, словно бездны / Неистойвой судьбы. / И незаметный трап отвалный / Вел в душевные гробы...»

Лирические стихи К., раскрывающие личное, предельно интимные, большей частью щемяще-грустные, горькие, стремительные, исполненные безысходностью и отчаянием. И это не случайно. К. в 1927 заболела тяжелой формой диабета и свыше 15 лет жила под знаком смерти, в ожидании ее прихода, оторванная от активной лит. среды русского поэтического Парижа. Поэтесса часто лежит в госпитале, ее силы слабеют с каждым годом: «День догорит в необранном саду. / В палате электричество потушат. / Сиделка подойдет: „уже в бреду“. / Посмотрит пульс — все медленней и глуше» (1936); «Лета не было в этом году. / Лето кануло в темном бреду» (1937); «Был день, как день. За ширмой белой / Стоял торжественный покой. / Там коченеющее тело / Покрыли плотной простыней» (1938); «Еще лет пять я вы-

рву у судьбы — / С безумием, с отчаяньем и болью» (1939); «Дотянуть бы еще хоть три месяца. / Из последних бы сил как-нибудь» (1940); «А жить осталось так немного, / И то уж — из последних сил». К тяжелому физическому состоянию прибавлялись неустоенность эмигрантской жизни, постоянное невольное напоминание о том, что Франция, Париж — это чужбина, что возвращение на родину невозможно: «Пересветы южных морей. / Перепевы северных выюг — / Все смешалось в душе моей / И слилось в безысходный круг...» (1926); «Глупый друг, ты упустил одно: / Что не будет главного — России» (1930); «В этом старом убогом отеле, / В никому не нужных трудах, / За неделей скользит неделя, / За годами скользят года» (1931); «Надоело скитаться без цели, / Примитивно непрочный уют. / Одиночество темных отелей, / Одиночество темных минут» (1931); «Я в жизни своей заплуталась. / Забыла дорогу домой. / Бродила, смотрела, устала / И быть перестала собой» («О России», 1933); «Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию. / «Новую жизнь» все равно уже мне не начать. / Годы прошли беспощадно-бесшумные-пустые / И наложили на все неживую печать» (1938). Только в стихах, обращенных к родившемуся в 1929 сыну — «белобрысому гномику», написанных с огромной материнской любовью и нежностью, звучат светлые слова радости, счастья: «Пробежимся с тобой до распытья / Вдоль сухих оголенных полей. / На ветру мое пестрое платье / Замелькает еще веселей» («В деревне. Игорю Софиеву». 1932); «Я ласкаю песней колыбельной / Слабого и нежного тебя; / Я люблю заводные игрушки, / И протяжное пенье волчка. / Пряжи русых волос на подушке / И спокойный огонь камелька» (1934); «Пока горят на елке свечи / И глазки детские горят. / Пока на сгорбленные плечи / Не давит тягостный закат. <...> Смотрю на детскую улыбку. / Склоняюсь к нежному плечу, / Не называю все ошибкой / И даже смерти не хочу» (1936).

В годы Второй мировой войны, оккупации Франции в поэзии К. вновь, как и в 1930-е, в период начала жизни в эмиграции, зазвучали гражданские мотивы: «Войной навек проведена черта, / Что было прежде — то не повторится. / Как изменились будничные лица! / И все — не то. И жизнь — совсем не та» (1941); «Темнота. Не светят фонари. / Бьют часы железным боем где-то. / Час, еще далекий до зари. / Самый страшный час — перед рассветом. / <...> Час, когда, устав от смутных дел. / Город спит, как зверь насторожен-

ный, / А в тюрьме выводят на расстрел / Самых лучших и непримиренных» (1942). После вторжения германских войск в Россию К. пишет глубокое по мысли стих. о «немецком мечтательном мальчике», который «гуляет по карте Земли», «так бодро шагает вперед, / Неся разоренье и голод, / Повсюду, / Куда ни придет». И поэтесса задает вечные вопросы: «Зачем это? Кому это нужно?»: «Зачем ему русские вьюги? / Разрушенные города? / На севере или на юге — / Везде — непременно — всегда? / Зачем ему гибнуть и драться / Среди разрушений и бед. / Когда за плечами лишь двадцать / Восторгом обманутых лет?.. / И над безымянной могилой / Уже не поплачет никто. / Далекый, обманутый, милый... / За что?»

Стихи К. реалистичны, правдивы, чужды стремлению мн. поэтов искать подчас вычурную «новую» форму, все подчинив этому. В некоторых строках К. звучат интонации Блока, Бальмонта, апокалипсические мотивы символистов. Особенно сильно воздействие поэзии А. Ахматовой. Но всегда перед нами самобытно мыслящая и чувствующая личность, находящая неповторимые, собственные только ей слова для выражения своей беды и трагедии, своего мироощущения, своего восприятия времени. Лирика К. — искренние страницы в истории русской эмигрантской лит-ры. Это поэтика минимализма: дневниковость, документальность, отсутствие декоративности. Стихи К. историчны, ибо они реально показывают историю русской интеллигенции в сложный период жизни, показывают ее с новой, неожиданной стороны.

Негромкий, поэтический голос К. был услышан, отмечен и особо выделен в общем хоре русской зарубежной поэзии современниками. После выхода в свет в 1931 первого сб. стихов К. «Стихи о себе» Вл. Ходасевич в рецензии «„Женские“ стихи» писал: «Как и Ахматовой, Кнорринг порой удается сделать „женскость“ своих стихов нарочитым приемом. <...> Той же Ахматовой Кнорринг обязана чувством меры, известною сдержанностью, осторожностью, вообще — вкусом, покидающим ее сравнительно редко. <...> Кнорринг женственна. <...> Будем надеяться на дальнейшие встречи с этой еще неопытной, <...> но все-таки одаренной и чем-то милой поэтессой» (Возрождение. 1931. 25 июня). Предвидение Вл. Ходасевича подтвердилось, чему свидетельством является отзыв Г. Иванова в статье «Поэзия и поэты» на посмертную книгу стихов К., вышедшую в 1949: «Покойная Ирина Кнорринг всегда, а в последние годы жизни особенно, стояла в стороне от пре-

словутого Монпарнаса, не поддерживала литературных связей, одним словом, не делала всего необходимого для того, чтобы поэта не забывали, печатали, упоминали в печати. И поэту даже ее последняя книга почти никем не была отмечена с вниманием и сочувствием, которые она заслуживает...

Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Ее скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оцененные, будут, я думаю, все же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить мн. более „блестящие“ книги ее современников. И возможно, что когда иные из них будут давно „заслуженно“ забыты, бледноватая прелесть стихов покойной Кнорринг будет все так же дышать тихой, неяркой, но непредельно-благоуханной поэзией» (Возрождение. 1950. № 10). О творчестве К. положительно высказывались Г. Адамович, Н. Оцуп, Ю. Терапиано. Н. Станюкович, поэт, прозаик, лит. критик, в поэтической форме отметил характерное для стихов К. сочетание гармонии и страдания: «...О, неприютная душа! — / Добыча горькая изгнания, / Как гармонично хороша / Поэма твоего страдания. / Здесь слово каждое легло, / Как вздох усталости и боли, / И смерти черное крыло / Сломало бунт ненужной воли». Г. Струве назвал поэзию К. «очень личной», «едва ли не самой грустной во всей зарубежной литературе» (Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Нью-Йорк. 1956). В 1962 А. Ахматова сказала о своеобразии поэзии К.: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи» (Ахматова А. Соч. М., 1986. Т. 2. С. 217). Стихи К. публиковались во мн. эмигрантских периодических изданиях, в сб. «Союза молодых поэтов». Как свидетельствует писатель первой эмигрантской волны В. Яновский, «эмигрантская периодическая печать в целом относилась к стихам с сугубой нежностью. От рижского „Сегодня“ до „Нового русского слова“ в Нью-Йорке, повсюду тщательно набирали стихи Кнорринг, Червинской, Штейгера» (Яновский В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 165). При жизни К. вышло два сб. стихов: «Стихи о себе» (Париж, 1931; 300 экземпляров), «Окна на Север: Вторая книга стихов» (Париж, 1939; 200 экзмп-

ляров / Русские поэты. Вып. 10). В 1949 отец К. издал в Париже тиражом 226 экземпляров «**После всего: Третья книга стихов (посмертная)**». Обложку сделал Ю. Софиев. Произведения К. включены во все основные эмигрантские антологии русской зарубежной поэзии, изданные в Европе и США (Якорь / сост. Г. Адамович и М. Кантор. Берлин, 1936; На Западе / сост. Ю. Иваск. Нью-Йорк, 1953; Муза Диаспоры: 1920–1960 / под ред. и с предисл. Ю. Терапиано. Мюнхен, 1960). На родине первые публикации стихов К. появились в 1962 в ж. «Простор» (Алма-Ата. № 6), затем в 1965 в алма-атинском альм. «День поэзии». В 1967 в Алма-Ате издан небольшой сб. К. со странным названием «**Новые стихи**», включающий в основном стихи о России. В 1993 в Алма-Ате на средства сына и внука издан самый полный сб. К. «**После всего**», в который вошло 127 стих. Похоронена К. на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа в символической могиле погибшего на Колыме М. О. Бек-Софиева, родственника мужа. Как вспоминает Н. Берберова, смерть К. почтили на собрании русских поэтов в 1944 после освобождения Парижа (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. 2-е изд., испр. и доп. Нью-Йорк, 1983. Т. 2. С. 513–514).

Соч.: Стихи о себе. Париж, 1931; Окна на Север: Вторая книга стихов. Париж, 1939; После всего: Третья книга стихов (посмертная). Париж, 1949; Новые стихи / вступ. статья А. Жовтис. Алма-Ата, 1967; После всего: Стихи 1920–1942 гг. Алма-Ата, 1993; Мы жили тогда на планете другой... [Подборка стихов] // Антология поэзии Русского зарубежья: 1920–1990 (Первая и вторая волна): в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994. Кн. 3. С. 140–149; Вернуться в Россию — стихами... [подборка стихов] // 200 поэтов эмиграции: Антология / сост. В. Крейд. М., 1995. С. 250–252; [Подборка стихов] // Русская речь. 1995. № 5. С. 30–38.

Лит.: Оцуп Н. [Рец.: Стихи о себе] // Числа. 1931. № 5. С. 229–231; Ходасевич Вл. «Женские» стихи: [рец.] // Возрождение. 1931. 25 июня; Струве Г. [Рец.: Стихи о себе] // Россия и славяне. 1932. 5 марта; Цейтлин М. [Рец.: Стихи о себе] // Совр. записки. 1932. № 49. С. 451–452; Жовтис А. Жизнь и судьба Ирины Кнорринг // Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. Алма-Ата, 1993; Кнорринг Н. Книга о дочери // Простор. 1993. № 12; Бельская Л. Поэзия Ирины Кнорринг // Русская речь. 1995. № 5; Корнилов С. И. Религия в поэзии Ирины Кнорринг // Русская словесность. 1996. № 6; Тюрина В. Г. Ахматова и Ирина Кнорринг: К проблеме лит. связей // Худож. текст и культура: [Материалы и тезисы докладов на Международной конференции]. Владимир, 1999.

Г. В. Карлюк